

17-4 ФЕВ 1972

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

К ВЕРШИНЕ

Из окна его квартиры открывается вольный вид на Неву. Внизу, перед самыми окнами, домик Петра. Недалеко — только улицу перейти — Петропавловская крепость. Каждый вечер, особенно после спектакля, он здесь прогуливается: отдыхает, размышляет. Он любит Ленинград. С этим городом связано у него многое, хотя сам он родом не с берегов Невы.

Большая гостиная, в которой мы сидим, становится вдруг тесной, когда хозяин встает и начинает ходить. Высокий, статный, широкий в движениях, он как бы заполняет комнату. Ему сейчас чуть более сорока. В тридцать пять он стал народным артистом СССР. Я смотрю на него и мысленно уношусь года на двадцать два назад, в тот памятный Свердловск нашей юности. Университет, в котором я учился, был тогда особенно дружен с консерваторией. Однажды у нас на вечер выступали гости, и ведущий объявил:

— Борис Штоколов. «Ноченька»...

На сцену актового зала вышел долговзый парень лет девятнадцати в кургузом, не по росту, стареньком пиджачке и все старался спрятать большие кисти рук. Держался он неловко и, что называется, не производил впечатления. Но когда Борис запел, все это забылось. Осталось ощущение «волшебной силы песнопения», подлинного чуда искусства. Мощный красивый бас оказался у Штоколова — эту фамилию мы сразу же запомнили. Долго не отпускали певца со сцены. Он кланялся сдержанно, с достоинством...

— Борис Тимофеевич, помните ли вы тот студенческий концерт?

— Как же не помнить! — оживает Штоколов. — Один из первых моих концертов. Я ведь был фанатиком пения, спал и видел себя на сцене оперного театра. Жилось тогда, сами знаете, не ахти как сытно, тем более, что на руках матери было еще четверо, но мы не унывали. И я, и мой друг — одноклассник Юрий Гуляев, ныне тоже народный артист СССР (наши койки в общежитии стояли рядом), работали, как одержимые. Подгонять нас было излито. Я подрабатывал электромонтером в драмтеатре. Монтер — это моя первая профессия.

— Когда же вы успели?

— О, это длинная история!

Родина Бориса Тимофеевича — Горная Шория, Кузнецк. Мать — учительница, отец был осовиахимовцем, готовил летчиков. Семья потом переехала на Урал. Отсюда отец ушел на фронт и не вернулся — погиб, защищая Ленинград. И тогда Борис поступил в школу юнг. Окончил ее через год и два месяца, стал торпедным электриком и запевалой в роте. Направили юного моряка на Балтику, в край, дорогие ему памяти об отце. Служить довелось на знаменитом крейсере «Киров» (сейчас Борис Тимофеевич — почетный член экипажа этого корабля). Да недолго: закончилась война. Пришлось юнге вернуться домой. Здесь он поступил в школу ВВС. Тут-то и увлекся Штоколов пением по-настоящему.

— Даже ходил заниматься с одной старушке, — смеется Борис Тимофеевич. — Есть у Толстого в «Войне и мире» место, где говорится примерно так: и хотя доктора лечили Пьера, он тем не менее выжил. Вот и у ме-

ня тоже: вовремя спохватился, ушел от старушки. Не так, как надо бы, учила она. Но голос все же испортил ей не удалось. Разумеется, пел в художественной самодеятельности. И вот что дальше произошло. На выпускной вечер к нам в школу приехал маршал Г. К. Жуков, командовавший в то время Уральским военным округом. После концерта Георгий Константинович подошел ко мне. «Знаете, Штоколов, — сказал он, — таких летчиков, как вы, много. Вам надо петь».

Грешным делом, я подумал тогда: до меня ли, простого лейтенанта, маршалу? А он не забыл своих слов. Послали меня в воинскую часть в Подмоскowie. Прошло месяца полтора, вызывают к командиру. Приехала, мол, комиссия из ансамбля имени Александрова, чтобы послушать меня. Спел я романс Демона: «Я тот, которому внимала...» В общем, говорят, тут вам делать нечего, собирайтесь-ка в консерваторию. На другой же день получил паек на трое суток и железнодорожный билет до Свердловска. В консерватории меня уже ждали. Тут заодно пригодились и моя первая морская специальность — электрика...

...Впрочем, монтером Борис Штоколов тоже работал недолго — перешел в театр оперы и балета имени Луначарского. Рабочим сцены. Чтобы быть поближе к искусству, без которого не мыслил своей жизни. Однако Штоколов и сам не подозревал в то время, что новая запись в трудовой книжке означает фактический, теперь уже навсегда, его приход на сцену. Не пройдет и полгода, как студент консерватории будет не декорации ставить, а петь как ведущий солист оперы.

Молодому певцу сразу же пришлось взяться за исполнение труднейших басовых партий мирового оперного репертуара. Но работа никогда не пу-

гала Штоколова. Такой уж у него характер: пока не добьется своего, не отступится. Вообще он придерживается точки зрения, что, если человек захочет, он все может. Лично Бориса Тимофеевича неудачи только подстегивают, придают сил, задора, что ли. Он вспоминает случай: когда ему было года двадцать три, выдержал он конкурс на один из международных фестивалей. Но вышло так, что вместо него послали почему-то другого певца. И что же? Он решил работать еще интенсивней, чем прежде, совершенствовать технику пения.

— Техникой, — говорит Борис Тимофеевич, — надо владеть так, чтобы ее не было заметно. Великие артисты прошлого говорили: искусство начинается там, где кончается техника. Именно в этом все дело. Гонял себя нещадно, вырабатывал волю. Да, волю. Сказать честно, не всегда приятно заниматься черновой работой, без конца шлифовать отдельные вещи, фразы. Поэтому очень важно идти через «не могу». Одним словом, и по сей день я — ученик. Не в школярском смысле, разумеется. Вот я, например, уже двадцать лет пою Гремину в «Евгении Онегине», но не сказал бы, что доволен фразой в арии «Любви все возрасты покорны», которая поется на самом низком пределе: «...и жизнь, и молодость, и счастье»... Или: можно всю жизнь работать над партией Бориса Годунова и быть неудовлетворенным. Ведь это, мне думается, вершина человеческого и вокального напряжения.

Таким было начало. А продолжение? В 1959 году Бориса Тимофеевича пригласили в Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова. Театр всемирно известный, со славными традициями. Здесь он работает уже тринадцатый сезон. Это были годы напряженного творческого труда в талантливом коллективе над бессмертными творениями Глинки, Бородина, Мусоргского, Чайковского, Рубинштейна, Гуно... Среди разных и сложных партий, составляющих его обширный репертуар, есть партии необычайной вокальной трудности: Руслана, Сусанина, Демона, Бориса Годунова, Мефистофеля. В «Демоне», например, он выступил уже пятнадцать раз. Для баса партия Демона, исполняемая обычно баритоном, является высшим пределом. Потому, видимо, даже Шалапин пел в этой опере всего несколько раз.

— Любители оперного искусства, приезжая в Ленинград, стараются обычно попасть на «Бориса Годунова». Дело это, прямо скажем, нелегкое. Что можно сказать об этой постановке?

Штоколов подходит к окну, задумчиво смотрит на огни ночного города. «Борис Годунов» для него — тема беспредельная. Без преувеличения — дело всей жизни артиста.

— Чем прежде всего интересен наш «Борис Годунов»? — говорит он. — Бессспорно, тем, что в Ленинграде звучит оригинальный Мусоргский. В том, что мы вернули сцене подлинного Му-

соргского, принципиальное для нас значение новой постановки. Известно, свой шедевр гениальный композитор создал ровно сто лет назад и предложил Мариинскому театру, нашему то есть. Опера была отклонена. Дирекция театра не поняла новаторской музыки Мусоргского, да и содержание народной музыкальной драмы не очень-то устраивало ее. Чтобы опера увидела свет, Римский-Корсаков по своему отредактировал «Бориса Годунова», сделал собственную оркестровку. В этом виде опера идет и по сей день. Есть также оркестровка, выполненная Шостаковичем.

Осуществилась давняя моя мечта — спеть царя Бориса таким, каким его задумал и воплотил в музыке композитор. Нынешняя постановка дорога и вот еще чем. До сих пор в общем-то во всех театрах главную роль исполняли, не отходя от мизансцен Шалапина. Актеры все делали, как Федор Иванович Шалапин, знали превосходно, где он поднимал руку, в каком месте поворачивался, садился и т. д. Я тоже лет одиннадцать поступал таким же образом. Но опять-таки встает вопрос: конечно, Шалапин — гений, однако зачем его копировать? Мы отказались от традиционных мизансцен, от наслывшихся за десятилетия штампов, сосредоточили внимание на показе душевных переживаний героя. Опера — это прежде всего искусство пения.

Полагаю, что такой путь в искусстве исключительно плодотворен. Мусоргский ныне завоевал весь мир. В этом я убедился, побывав на гастролях в США, Мексике, Испании, Франции, во многих других странах Европы.

Выдающийся русский бас, Борис Тимофеевич Штоколов многогранен в своем творчестве. Планы его поражают насыщенностью, стремлением и дальше осваивать огромный мир музыки. Певца отличают строгая требовательность, взыскательность к себе. Он выносит на суд публики только то, что отработано наверняка, что имеет высокую художественную ценность.

— На лето я приглашен во Францию, — рассказывает Борис Тимофеевич. — Там покажу моего Бориса Годунова. Усиленно занимаюсь итальянским языком, чтобы петь произведений великих итальянцев, понимая их так же, как свои, русские. Предстоит много записей на пластинки. Даже страшно подумать: хочу записать всю русскую оперную классику. Вместе с Иваном Семеновичем Козловским поем украинский дуэт «Колы разлучаются двое», «Моряков» Вильбоа и другие. Не забыты и романсы, песни. Люблю петь «Утро туманное», «Янчик, не гони лошадей», «Гори, гори, моя звезда», «Выхожу один я на дорогу», «Очи черные», «Ноченьку», «Ты жива еще, моя старушка»... Да разве все назовешь? Есть песни — как календарь: приходят — уходят. Сорванный листок никому не дорог. Но есть песни, которыми жить в веках. Послушай-ка!...

...Ушел я от Бориса Тимофеевича во втором часу ночи. Шел и думал: в актерской судьбе Штоколова сейчас счастливая пора. Впереди новые партии, новые поиски, новые радости.

Л. ТОПОРКОВ.